

Жизнь
Льва
Толстого
*Опыт
прочтения*

АНДРЕЙ
ЗОРИН
ЖИЗНЬ
ЛЬВА
ТОЛСТОГО
ОПЫТ
ПРОЧТЕНИЯ

Новое
Литературное
Обозрение
2026

УДК 821.161.1.09Толстой Л.Н.
ББК 83.3(2=411.2)52-8Толстой Л.Н.
3-86

*Издательство выражает благодарность
Государственному музею Л.Н. Толстого
и музею-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»
за помощь в оформлении издания*

Зорин, А.

3-86 Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения / Андрей Зорин;
пер. с англ. — 3-е изд. — М.: Новое литературное обо-
зрение, 2026. — 248 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2792-5

Лев Толстой давно стал визитной карточкой русской культуры, но в современной России его восприятие нередко затуманено стереотипами, идущими от советской традиции, — школьным преподаванием, желанием противопоставить Толстого-художника Толстому-мыслителю. Между тем именно сегодня Толстой поразительно актуален: идея ненасильственного сопротивления, вегетарианство, дауншифтинг, требование отказа от военной службы, борьба за сохранение природы, отношение к любви и к сексуальности — все, что казалось его странностью, становится мировым интеллектуальным мейнстримом. Новая краткая биография великого писателя прослеживает основные линии его судьбы и творчества. Художественное и философское наследие Толстого рассматривается здесь наравне с военным опытом, крестьянским трудом и семейной трагедией. Такой «интегративный» подход позволяет говорить о нем вне набивших оскомину рассуждений о «противоречиях» и яснее разглядеть уникальные последовательность и цельность его жизненного пути. Андрей Зорин — историк литературы, профессор Оксфордского университета и МВШСЭН.

УДК 821.161.1.09Толстой Л.Н.
ББК 83.3(2=411.2)52-8Толстой Л.Н.

В оформлении обложки использована фотография В.Г. Черткова
«Л.Н. Толстой идет по улице деревни Ясная Поляна». 1908 г.
© Государственный музей Л.Н. Толстого, Москва.

Leo Tolstoy by Andrei Zorin, Original Publication by Reaktion Books
Copyright © Andrei Zorin 2020

© А. Зорин, перевод с английского, 2020

© ООО «Новое литературное обозрение», 2020; 2023; 2026

Содержание

Глава первая
ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ СИРОТА

9

Глава вторая
ЖЕНАТЫЙ ГЕНИЙ

59

Глава третья
ОДИНОКИЙ ВОЖДЬ

129

Глава четвертая
БЕГЛАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

215

Памяти Бориса (Баруха) Бермана

От автора

Эта книга представляет собой переработанную версию английской биографии Толстого, написанной для серии «Critical Lives» издательства «Reaktion Books». Предлагая книгу вниманию российского читателя, я исходил прежде всего из двух соображений. Толстому исключительно везло на биографов, посвятивших его насыщенной трудами и днями жизни, подробные и глубокие исследования. Мне представлялось важным уместить этот объемный и разнообразный материал в сжатый текст, попытавшись одновременно сохранить основные линии судьбы героя. Кроме того, русская биографическая традиция часто разделяет жизнь и творчество, выводя анализ художественного или философского наследия за пределы биографического жанра. Между тем произведения великих писателей и мыслителей не столько «отражают» жизнь их создателей, сколько составляют ее. «Война

и мир», «В чем моя вера?» или «Круг чтения» не менее важные факты биографии Толстого, чем его военный опыт, крестьянский труд или семейная трагедия. На мой взгляд, такой интегративный подход позволяет говорить о Толстом вне набивших оскомину рассуждений о «противоречиях» и яснее разглядеть уникальные последовательность и цельность его жизненного пути. Насколько эта книга помогает приблизиться к этой цели, судить, разумеется, не автору.

Английская версия биографии не могла бы быть написана без постоянной дружеской помощи Алекса Уилбрэма и Аркадия Островского. Я благодарен Михаилу Долбилову, взявшему на себя труд прочесть рукопись и сделать ценные замечания, и всем рецензентам. Подготовка русской версии была осуществлена по инициативе Ирины Прохоровой, которой я искренне признателен. Большую помощь в моей работе оказали сотрудники Музея Толстого в Москве и Ясной Поляне. Как всегда, я многим обязан поддержке и критическим замечаниям моей жены Ирины Зориной.

В молодости мне доводилось много говорить о Толстом со своим близким другом Борисом Берманом (1957–1992). Новые интересы отвлекли его от толстовских занятий, его книга о Толстом не была завершена, а статьи появились в печати только после его трагической гибели. Я сомневаюсь, что он согласился бы со всем, что я здесь пишу. Но память о наших разговорах, а еще больше обаяние его личности и страстность его интеллектуального поиска были для меня важной опорой в работе. С искренней благодарностью я посвящаю эту книгу его памяти.

Глава первая

ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ СИРОТА

В мае 1878 года, завершая работу над «Анной Карениной» и уже находясь на раннем этапе самого глубокого духовного кризиса, который ему доводилось переживать, Толстой начал набрасывать мемуары, предварительно озаглавленные «Моя жизнь». В течение одного дня он написал несколько разрозненных фрагментов, содержащих воспоминания о годах его раннего детства. Дальше работа не пошла. В первом из этих отрывков Толстой писал:

Вот первые мои воспоминания <такие, которые я не умею поставить по порядку, не зная, что было прежде, что после. О некоторых даже не знаю, было ли то во сне,

или наяву. Вот они.> Я связан, мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать. Я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик, но я не могу остановиться. Надо мною стоят нагнувшись кто-то, я не помню кто, и всё это в полутьме, но я помню, что двое, и крик мой действует на них: они тревожатся от моего крика, но не развязывают меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Им кажется, что это нужно (т.е. то, чтобы я был связан), тогда как я знаю, что это не нужно, и хочу доказать им это, и я заливаюсь криком противным для самого меня, но неудержимым. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалеют меня, но судьбы и жалость над самим собою. Я не знаю и никогда не узнаю, что такое это было: пеленали ли меня, когда я был грудной, и я выдирали руки, или это пеленали меня, уже когда мне было больше года, чтобы я не расчесывал лишаи, собрал ли я в одно это воспоминание, как то бывает во сне, много впечатлений, но верно то, что это было первое и самое сильное мое впечатление жизни. И памятно мне не крик мой, не страданье, но сложность, противуречивость впечатления. Мне хочется свободы, она никому не мешает, и меня мучают. Им меня жалко, и они завязывают меня, и я, кому всё нужно, я слаб, а они сильны. (ПСС, XXIII, 469–470)¹

Нет смысла искать здесь материал для психоаналитических упражнений. «Первое и самое сильное» впечатление жизни мемуариста не было извлечено из глубин его подсознания на кушетке психоаналитика, но

¹ Все цитаты из Толстого, кроме специально оговоренных случаев, приведены по Полному собранию сочинений в 90 томах (М.; Л., 1928–1964) с указанием тома и страницы в тексте.

представляет собой вполне сознательную и отрефлектированную (ре)конструкцию, сделанную пятидесятилетним писателем. Толстой видит себя младенцем, но ему «памятны» сложность и противоречивость его переживания, сутью которого оказывается чувство связанности и несвободы. Он специально обращает внимание на то, что стоящие рядом люди любят и жалеют его, их жестокость — это жестокость заботы. Маленький Лев пытается вырваться из тисков этого ласкового деспотизма, но он слишком слаб, чтобы освободить себя от власти тех, кто, желая ему добра, не позволяет ему шелохнуться. Эта мучительная борьба будет пронизывать всю его жизнь вплоть до самых последних мгновений.

* * *

Традиционную биографию принято начинать с рассказа о семье, в которой родился герой. В случае с Львом Николаевичем Толстым такой рассказ оказывается столь же необходимым, сколь и избыточным. С одной стороны, семья писателя описана в «Войне и мире» с такой выразительностью, что любая реальность обречена померкнуть на этом фоне. С другой, генеалогия Толстого важна для понимания его великого романа и во многом определила его собственную судьбу. В своем повествовании Толстой характерным для него образом затушеввал границу между вымыслом и историей, слегка изменив фамилии героев. Так, Волконские, предки писателя с материнской стороны, стали Болконскими, а Толстые — сначала Простыми (Простовыми), а потом Ростовыми. Вероятно, фамилия Простой слишком отдавала моралистической комедией XVIII века. Отбросив первую букву, Толстой связал отцовскую линию

своей семьи с названием древнерусского города, как бы подчеркнув свои национальные корни.

Для современного читателя графский титул плохо вяжется с идеей простоты. Однако в России его стали жаловать только с петровских времен. Рядом с Рюриковичами Волконскими Толстые выглядели как парвеню. Недаром в романе старый князь Николай Сергеевич Болконский рассматривает намерение сына жениться на «графинюшке» как мезальянс.

В сущности, брак родителей Толстого и был мезальянсом. Кроме всего прочего, княжна Мария Николаевна Волконская была богатой наследницей, в то время как ее муж, граф Николай Ильич Толстой, был из-за расточительного образа жизни своего отца полностью разорен и обременен долгами. Их свадьба состоялась в 1822-м, через год после смерти отца невесты. Марии Николаевне было 32 года, в ту эпоху она уже вполне могла считаться старой девой, к тому же, как вспоминал Толстой, она была «нехороша собой». Николай Ильич был на четыре года моложе невесты.

В «Войне и мире» Толстой не скрывает от читателей прагматическую сторону брака героев, что, однако, ни в малейшей мере не противоречит любви и согласию в этом заключенном на небесах союзе. Неизвестно, в какой мере семейная жизнь родителей Толстого походила на идиллическую картину, описанную в эпилоге романа. Даже если слухи о любовных похождениях графа не соответствуют действительности, мы знаем, что он проводил очень много времени вдали от дома, охотясь или занимаясь своими бесчисленными тяжбами в судебных присутствиях. Его жена построила в фамильном парке специальную беседку, где по заведенной привычке дожидалась возвращения мужа.

Толстой писал, что его мать была идеальной женой, которая на самом деле не любила мужа. Ее сердце безраздельно принадлежало детям, особенно старшему Николаю и Льву, ее четвертому и младшему сыну. Льву, родившемуся 28 августа 1828 года, было всего два, когда умерла его мать — через несколько месяцев после появления на свет единственной дочери Марии.

Эта утрата произвела неизгладимое впечатление на Толстого. Он поклонялся памяти матери и любил проводить время в ее любимом уголке родового парка. Позже он настаивал на том, чтобы его жена рожала на том же диване, на котором появился на свет он сам, а главное, бесконечно тосковал по материнской любви, которой был лишен. Он не помнил матери и радовался тому, что в доме не сохранилось ее портретов за исключением вырезанного из черной бумаги силуэта. Образ самого дорогого человека, который он хранил в душе, не нуждался в материальных подтверждениях. Толстой вспоминал: «...в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне» (ПСС, XXXIV, 354).

В 1906 году, 77-летним стариком, Толстой записал в дневнике:

Целый день тупое, тоскливое состояние. К вечеру состояние это перешло в умиление — желание ласки — любви. Хотелось, как в детстве, прильнуть к любящему, жалеющему существу и умиленно плакать и быть утешаемым. Но кто такое существо, к к[оторому] бы я мог прильнуть так? Перебираю всех любимых мною людей — ни один не годится. К кому же прильнуть? Сделаться маленьким и к матери, как я представляю ее себе.

Да, да, маменька, к[отор]ую я никогда не называл еще, не умея говорить. Да, она, высшее мое представление о чистой любви, но не холодной божеской, а земной, теплой, материнской. К этой тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня. — Все это безумно, но все это правда. (ПСС, LV, 374)

Сознание сиротства не оставляло Толстого. По его словам, когда он стал помнить себя, «уже смерть матери наложила свою печать на жизнь» семьи (ПСС, XXXIV, 354). К этому ощущению добавилась и ранняя смерть отца. В июне 1837 года, когда Льву еще не исполнилось девяти лет, граф внезапно умер от удара во время своего пребывания в Туле. Были подозрения, что Николая Ильича отравили сопровождавшие его в город крестьяне. Позднее Толстой говорил, что никогда не верил этим слухам, но знал о них, — можно себе представить, какое воздействие должны были оказать подобные разговоры на впечатлительного мальчика.

Вероятно, эти потери способствовали тому, что юный Лев рос застенчивым и чувствительным ребенком, родственники называли его «Лёва-рёва». Кроме того, он отставал от братьев в учебе и исключительно тяжело переживал свою физическую непривлекательность. Эти переживания преследовали его всю молодость; вплоть до женитьбы Толстой не мог поверить, что какая-нибудь женщина может увлечься столь некрасивым человеком, как он.

Идиллический мир первых лет его жизни, описанный в «Детстве», был порожден не столько реальным опытом, сколько литературным воображением писателя. Это изысканное и трогательное повествование о мыслях и чувствах дворянского мальчика переполнено автобиографическими

деталями и до сих пор во многом определяет наши представления о среде, в которой рос Толстой в яснополянском имении князей Волконских.

Идиллия обрывается внезапной смертью матери рассказчика. «Отрочество» и «Юность», две следующие части автобиографической трилогии Толстого, посвящены истории психологических проблем и мучительных сомнений, бушевающих героя.

В «Детстве» Толстой перенес первую и главную утрату своей жизни с двух на одиннадцать лет, и это хронологическое смещение позволило ему изобразить радостное детство героя, не осложненное чувствами одиночества и сиротства, которые он сам испытывал ребенком. Идиллический мир «Детства» — такой же семейный миф, как и идиллическая семья, возникающая на страницах «Войны и мира».

Ясная Поляна была связана для Толстого и с мечтой о всеобщем счастье. Ни один биограф писателя не пропускает знаменитую историю зеленой палочки, сыгравшую столь важную роль в его жизни. Во время их детских игр Николай, старший из братьев Толстых, как-то рассказал младшим, что где-то в их имении зарыта зеленая палочка и тот, кому посчастливится ее найти, сможет принести счастье всему человечеству. Маленький Лев был глубоко потрясен. Вера в существование зеленой палочки и стремление отыскать ее руководили им всю жизнь. За несколько лет до смерти он дал статье, посвященной изложению его религиозных взглядов, название «Зеленая палочка» и завещал похоронить себя около того места, где он мальчиком искал этот клад. В своих воспоминаниях Толстой писал:

И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в

людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает. (ПСС, XXXIV, 386)

Осиротевшие дети остались на попечении многочисленных тетушек. Одна из них, Татьяна Александровна Ергольская, которую Лев называл Туанет, стала для него душой Ясной Поляны. Выросшая на положении бедной родственницы в семье деда Толстого, Туанет была влюблена в своего троюродного брата Николая, отца писателя. Принеся в жертву собственные чувства, она предоставила возможность возлюбленному жениться на богатой наследнице. В 1836 году, стремясь дать детям любящую мачеху, которая никогда их не оставит, овдовевший граф сделал ей предложение. Ергольская отказала, но с готовностью приняла на себя заботы о детях. Лев был ее любимцем. Двусмысленный статус Туанет в семействе Толстых отразился в «Войне и мире» — в весьма нелестном описании положения, которое занимает Соня в доме Николая Ростова и княжны Марьи. Ергольская прожила достаточно долго, чтобы прочесть роман, но сведений о ее реакции не сохранилось.

Отказавшись от возможности стать мачехой младшим Толстым, Ергольская потеряла также право быть их опекуном. Сестры покойного Николая Ильича были признаны более близкими родственниками. Когда в 1841 году умерла одна из них, Александра Ильинична Остен-Сакен, детей передали под надзор другой сестры, Пелагеи Ильиничны Юшковой, которая жила с мужем в Казани. Город, где находился один из шести существовавших тогда в Российской империи университетов, казался вполне подходящим местом для братьев, которым настало время получать

образование. В силу своего местоположения Казанский университет был естественным центром для исследований Востока. После первой неудачной попытки Лев в 1844 году со второго захода поступил на факультет восточных языков.

На пять с половиной лет, которые он провел в Казани, пришелся весь тинейджерский период жизни Толстого. Самой главной проблемой, с которой он здесь столкнулся, стал конфликт между обуревавшими его сексуальными влечениями и мечтой о физической и моральной чистоте. Он очень хорошо помнил, что именно первородный грех стал причиной изгнания человечества из рая. В «Детстве» Толстой с нежной снисходительностью умудренного жизнью человека изобразил детский эротизм, пробуждающийся в десятилетнем мальчике, неожиданно для себя целующем ровесницу в обнаженное плечо. Покинув яснополянский Эдем, он вынужден был теперь иметь дело с куда менее тонкими чувствами.

Казанские родственники не особенно строго следили за Толстым-подростком. Он был совсем не богат, но кое-какие деньги у него водились. В то же время он отличался крайней застенчивостью и неуверенностью в себе, особенно в присутствии женщин своего социального круга. Почти неизбежно это сочетание обстоятельств должно было сделать из него посетителя публичных домов. Позднее Толстой вспоминал, как, в пятнадцать лет посвященный старшим братом в тайны платного секса, он, потеряв невинность, плакал у кровати незнакомой проститутки. Столкновение невыносимой похоти и отвращения к собственной животной природе стало темой, к которой Толстой регулярно возвращался сначала в дневниках, а потом и в прозе. Герой его раннего рассказа «Записки маркера» после первого похода в бордель кончает с собой от ужаса и омерзения.